

ДЕВАХА

Из цикла «Секретный квадрат»

Охранник сидел в напряжённой позе у монитора. Казалось, всё его существо пристально и цепко следило за событиями, происходящими в обзоре видеокамер. Нос заострился и стал похож на клюв хищной птицы. Глаза сузились и немного ушли внутрь, словно бойницы средневекового замка. Вся мускулатура напряглась, будто он готовился к стремительному прыжку...

На самом же деле охранник совершенно спокойно, реально и безмятежно спал... и видел сны. Натренированная за многие годы до артистизма его натура перед следящими за ним же камерами (их было в комнате две) могла уже обмануть любой компьютер, любой прибор. И если бы ему насильно вшили в тело мечту надменных правящих уродов — чип, отслеживающий даже химические процессы в организме, он обманул бы и его! Тем не менее жизнь продолжалась... Конечно, это вовсе не значило, что он мог бы проспать-прозевать что-либо возникшее на мониторе. Нет и нет! Любое лишнее движение, а тем более выходящее за рамки охранных правил, он бы тут же почувствовал собственным четвёртым позвонком. И сразу же включился бы в процесс! Без разгонки. С ходу, с пятой передачи! Такой уж вывела урбанистическая природа устойчивый к любой кислотной среде городской биологический тип. Что делать... А пока этот устойчивый тип спит, расскажем немного о его мониторе.

Сам экран, как и везде у охранников, был разделён на квадраты. Каждый квадрат показывал часть охраняемой территории. Его можно было, при особой надобности, увеличить

на весь экран и любоваться происходящим в более крупном размере и в подробностях. В основном на мониторе пестрели скучные квадраты. Но вот один из них!.. По ценности он не уступал нескольким самым таким мониторам! Конечно, в стратегическом плане он совершенно ничего собой не представлял — этакий закуток, образованный стыком двух зданий. Некий бросовый кусочек территории, маленький закрытый со всех сторон глухими стенами аппендикс. Для производства он — ноль, а вот для жизни... Как, оказывается, и аппендикс для жизни организма очень даже нужен, так и здесь. В прагматическом аспекте производство вполне могло обойтись и без него, но вот для колорита, для души... Интерес к происходящему сильно бы упал в глазах охранников без этого квадрата! Не знаю, как остальные, но так, во всяком случае, думал спящий охранник.

Однако, спрашивается, зачем — не для этих же философских раздумий охровца — была так легкомысленно установлена камера для обзора этого места?! Здесь — мистика и загадка! Этого не знал никто! Даже начальник охраны... Конечно, может быть, он тоже любил при проверках, отмотав на несколько дней, просматривать прикольные фрагменты жизни аппендикса... Что тут такого? Такая уж шла о нём слава — типа Бермудского треугольника. Тем не менее никакие проверки совершенно не влияли на существование как самого аппендикса, так и видеокамеры, наблюдающей за ним.

Имелись в этом необычайном местечке и постоянные посетители. Как правило, это были молоденькие сотрудницы соседних производственных корпусов, забегавшие сюда на перекур. И не только «на перекур» — говорят, всего, что перевидали охранники за всю историю существования «обзора» этого места, вполне хватило бы на несколько остро сюжетных фантастических романов или телесериалов. Как ни крутись — это был настоящий Клондайк для досужего служивого зрителя.

Интересный момент замечали сами охранники: курящих девчонок особо заводил сам факт внезапного обнаружения камеры, то есть факт того, что за ними кто-то наблюдает! И есть большой процент вероятности, что это лицо с ярко выраженными признаками противоположного пола. Сначала они просто тарасились на камеру, показывая растопыренными пальцами друг другу невиданного, наблюдающего за ними зверя... ну а потом просто начинали безобразничать. Чували, видно, свою полную безнаказанность и кем-то подаренное право на это. Сначала просто корчили рожи и кривлялись. А потом, если их случалось там быть двое или трое, начинались импровизированные соревнования на тему: кто круче?! Одним из пиков такой импровизации было стягивание джинсов и демонстрация голых задниц перед блестящим оком видеосъёмки. Всё это приводило в дикий восторг как самих артисток, так и наблюдающих за ними охранников. Между ними реально возникала некая магическая связь... и уходили артистки очень и очень довольные собой. А один остроязычный сторож после просмотра этого заключительного акта не выдержал и сказал:

— Да... Если сильно подумать, вся наша жизнь (он явно имел в виду жизнь именно охранников) и есть одна большая и неизбежная жопа!

Стоит сказать, что есть у русского человека замечательное свойство — одним метким словом обозначить целое народное явление или период жизни. Об этом ещё Гоголь говорил. Одно слово — ж...!

Естественно, покушений на жизнь и существование данной видеокамеры со стороны артистической среды за всю историю не было зарегистрировано ни одного!

...Охранник вздрогнул и проснулся — единственное инстинктивное движение, которое могло его выдать... Но кто его (это движение) заметил? Конечно, никто! Не меняя позиции или позы (как угодно), он окинул бдительным взором

экран, немного задержавшись на вышеописанном квадрате. Но и там было тихо и безлюдно...

И тут в дверь постучали! Охранник ещё раз вздрогнул и посмотрел на монитор. У входной двери никого не было...

«Что за хрень?!» — пронеслась мысль.

«Бывало, что и птицы клювом стучали», — догнала первую мысль благоразумная вторая.

Охранник ещё раз взглянул на экран — никого! Так и должно было быть, поскольку в промзоне тихо и блаженно царил жаркий июльский выходной день. Точнее, полдень. А охранники любят спать днём, потому что ночью... они спать любят ещё больше. Стук повторился...

Стучали чем-то железным, и звук был отчётливым и ясным, так как входная дверь тоже была железной. Охранник в третий раз взглянул на монитор. Конечно же, там никого не было.

«Может, мне чудится?» — подумал страж.

А в дверь стучали уже не переставая...

— Ё-моё... всё равно ведь надо открывать, — решил, забыв все инструкции, блюстититель порядка.

Когда он распахнул дверь, перед ним нарисовалась молодая загорелая деваха в короткой чёрной юбчонке и лёгкой синей майке с глубоким вырезом на груди. Тяжёлый летний зной так и обдал сторожа. Деваха оказалась густо и крикливо накрашенной. Через плечо у неё был перекинут ремень маленькой глянцевой чёрной сумочки, на которой почему-то были нарисованы белые череп и кости. Девка заметила ошарашенный взгляд охранника и быстро затараторила, сделав слегка удивлённой свою смазливую мордочку (а сторож вдруг заметил, как напряжинилась её гибкая, змеиная талия):

— Дед, это прикол! Пусти меня погреться! Ужасно, блин, холодно!

Между тем на улице продолжала стоять страшная жара.

И дед-охранник неожиданно для самого себя выдал:

— Иди, коза, грейся в свой детский сад! Здесь охрана, а не игрушки!

И попытался захлопнуть дверь перед носом наглой малолетки. Но не тут-то было... Деваха неожиданно оказалась такой сильной, что легко оттолкнула, как маленького мальчика, седовласого сторожа, пролетела внутрь и принялась хозяйничать на стратегической внутренней территории охраны. Потом вдруг она так грациозно замерла, слегка принагнувшись перед монитором, что будь на месте охранника поэт или художник... тут же родился бы шедевр художественного творчества! Но охранник не был поэтом. Он уже пришёл в себя и, ещё пуще разгневавшись, упруго обхватил её сзади и... вдруг потерял сознание!..

Очнулся он на своём месте у монитора, всё ещё обиженный и сердитый. В помещении, кроме него самого и кошки Муськи, никого не было... Это немного успокаивало. Однако, взглянув на экран, страж порядка почувствовал, что его прохватил озноб, да так, что он застучал зубами от холода! А в заколдованном квадрате курила, скакала и корчила рожи его малолетняя обидчица. Он увеличил изображение... и вдруг увидел во весь экран большую белую задницу!

P.S. По инструкции охранник был обязан позвонить в центральный офис охраны и доложить о случившемся приключении. Однако после выпитого корвалола и потайной секретной чекушки привидение исчезло из его поля зрения, и он благоразумно не сделал этого.

Дома, после смены, жена сторожа заметила не совсем обычное, меланхолическое его состояние, на что он резонно ответил:

— А ты пойди вона подежурь, когда от жары по экрану пузыри да голые девки бегают...

На что и она не замедлила сказать:

— Напился — так уж и молчи, пьяница!

СТАРИК

Занудный и противный дождь не прекращался уже вторую неделю. Весь город пропитался сыростью и безнадежной серой хандрой. Дома, улицы, проспекты и люди сливались с грязно-серым туманом дождя. Всё становилось призрачным, мутным и нереальным.

— Это город-призрак, как и сама жизнь, — подумал старик.

Он уже не один день наблюдал за городом и этим дождём из окна своей маленькой отдельной квартирki. Он смотрел, наблюдал и думал... думал... Давно, очень давно, старик и не помнил даже когда, он остался совсем один — жена убежала от убитой здешней жизни за границу. Мужа с собой она не позвала. Дети и внуки уехали следом. Правда, любимая внучка долго тянула его с собой (и он знал, что она его не бросит даже там, в Америке), но он её пожалел... и не поехал. Он остался здесь, где родился, но не пригодился, по его же горьким словам. А всё потому, что тут никто не пригодился, кто отказался от вживления X-666-Z. Но отказавшихся было настолько мало, что их пока даже не трогали — надеялись на быстрое «естественное» вымирание.

Даже ЦК — цифровой контроль, представители которого — дюжие, круто накаченные парни — как представители Нового Порядка пока не заявлялись к нему. Кстати, они маячили теперь на каждом углу, и про них ходили леденящие душу и сердце слухи. Но ведь он, как и все эти «отказники» — отчаянные, разрозненные, разбросанные по всему городу одиночки, должен был очень скоро исчезнуть. Потому что без этого клейма-чипа ничего нельзя было ни купить, ни продать — ни еды, ни воды... Даже чтобы проехать пару остановок в автобусе, требовался X-666-Z. К слову, парней из ЦК никто не любил, но все страшно боялись, так как ввиду чрезвычайного положения в стране им было

дано право казнить «отказников» как нарушителей НП (Нового Порядка) на месте.

А начиналось всё так безобидно! Сначала всех людей призвали для полного уничтожения преступности и коррупции вписаться в единую электронную сеть. Для этого все поголовно должны были сдать свои биометрические данные. Что ж, народ поверил и сдал что требовалось. Потом, и очень быстро, оказалось, что и биометрия на все сто процентов не обеспечивает безопасности и всего того, что было нужно. И тут, как чёрт из табакерки, на свет Божий выскочил этот X-666-Z... Это новейшее изобретение! Хоть и поговаривали люди, что оно давно уже не новое и что давно уже дожидается своего часа... Однако эту железку нужно было вшивать под кожу, что оказалось весьма болезненным и опасным! К тому же клубились слухи о дополнительных, никому не известных функциях этого чипа — вплоть до управления сознанием, психикой и даже температурой тела человека. А если через этот чип нагреть человеческое тело до пятидесяти градусов? Да и сорока пяти вполне хватит, чтобы уложить это послушное тело в гроб!

Однако народ быстро убедили, что если какой-то процент населения не выдержит специфики вживления — это будет оправдано будущим благоденствием родной страны... Эти слова люди уже где-то слышали, но немного подзабыли, где именно... Возникло сомнение, народ заколебался и обратил свои очи к Церкви. Но и этот вариант был уже просчитан Системой. Тут же — просто удивительно как быстро и вовремя (!) — на всех экранах появилось внушительное первосвященническое слово патриарха, которое убеждало народ в том, что эта железка к духовной жизни никакого отношения не имеет, что надо спасать Отечество от жуликов и бандитов, что надо подчиниться и... вшить! И тут же в приказном порядке началось тиражирование этого патриаршего слова армией

приходских священников. Были, конечно же, и здесь отказники, но про них общественное мнение громогласно молчало!

И под напором этой последней капли народ дрогнул! А когда дрогнул народ, горькая эта чаша пролилась через край! И тогда Система поняла, что победила! Тут вдруг оказалось, что этот чип вовсе не подарок людям, а тривиальная коммерческая услуга. А любая услуга, как известно, должна быть оплачена! Выяснилось, что всё это чипирование не такая уж и дешёвая штука. Естественно, малоимущим были предоставлены максимальные скидки и кредиты. Ну, не бесплатно же даже им вдруг подарят безопасность на всю жизнь?! Система быстро понимала свою выгоду... Начался немыслимый ажиотаж! Людей уже не нужно было уговаривать согласиться принять подозрительную услугу. Народ бросился за своим счастьем и выстаивал сутками в очередях. Пункты, где их клеймили, работали круглосуточно. Люди спешили «пропечататься», так как по улицам уже ползла пугающая информация о том, что магазины перешли исключительно на чиповое обслуживание и деньги просто не берут. А по любым вопросам, сомнениям и возмущениям продавцы отправляют граждан к представителям ЦК, которые не церемонятся и решают проблему на месте! Страна сорвалась с точки и понеслась в пропасть со страшной скоростью! Это был резкий, бешеный старт, но не менее резкой оказалась и остановка. Сначала (Система отслеживала всё) стали очень быстро падать цены на чипы, а потом и вовсе востребованность их упала до нуля. Как-то очень быстро все люди оказались «вшитыми», и море улеглось. Некуда было бежать, ехать и спешить...

— Россия — страна громадных скоростей и больших остановок, — тихо прошептал старик и вздохнул.

Он, кстати, не спешил никуда. Сидел он у окна и смотрел... смотрел и думал... Сколько же лет прошло с начала его одиночества? Десять? Двадцать? Пятьдесят? А может

быть, всего-то эти полторы дождливые недели? Он не знал. И не желал знать. И о нём, видимо, никто не желал знать. Он давно уже ничего не ел и не пил. Он даже начал забывать, что это такое... Старик снова взглянул на серую дождливую улицу, на таких же серых, спешащих куда-то «вшитых», «оцифрованных» людей. «Сколько их? Куда их гонят? Что так жалобно поют?» — вспомнились старику строчки Пушкина.

И вдруг хитрая улыбка зазмеилась по лицу старого человека... Нет! Он не зря отказался от чипа! Тогда, после его твёрдого, решительного отказа, он какие-то секунды даже надеялся, что его тут же убьют! Однако надежда эта не сбылась. Видимо, ему и подобным готовилась более изошрённая расправа... Хотя ничего ужаснее, чем принять X-666-Z и попасть в Сеть, для него уже не было. Но о нём, кажется, забыли... И старик снова ощутил, как и в первый день отказа, несказанную радость! Во всём теле он опять почувствовал такую мощь и силу, что даже подпрыгнул от счастья! В первый раз он даже испугался этого нового состояния. Но испуг был напрасен, потому что от этой силы исходила такая весёлая радость и одновременно такой душевный покой, что старик вдруг даже захотел, чтобы за ним сейчас же пришли ребята из ЦК. Он уже не боялся смерти.

В дверь постучали. Электричества давно уже не было. Старик не стронулся с места. Постучали ещё и ещё раз... Затем принялись колотить в дверь непрерывно и кричать:

— Открывай, старик! Мы знаем, что ты здесь! Нас не обманешь!

Старик помедлил ещё немного, как бы нехотя поднялся... и открыл дверь. Их было всего четверо, с фиолетовыми метками на лбах. На душе стало ещё веселее и радостней. А когда всё кончилось, наступило полное и безграничное блаженство.

...Старик очень аккуратно уложил четыре мёртвых тела в поддон дивана и закрыл крышку. Счастливая, таинственная улыбка играла на его лице. Он вздохнул и вышел на улицу...

ОБИДА

Из цикла «Записки в телефоне»

Писатель «со стажем» Степан Викторович ехал за рулём своей «ласточки» со службы из храма (за городом местечко). По краям дороги стояли стены высоченных мачтовых сосен... Писателю казалось, что он один во всём мире, и любимица его журчит так мелодично и тихо. А в душе ещё служба церковная поёт-продолжается... О-о-о... Вот счастье... Не передать! И вокруг только морозище и снег. Солнышко ещё не показалось, но свет уже есть... Таинственный такой... Ух! Какое чудо!

Решил остановиться, подышать. Ну конечно же, заглянул в «Вайбер», а там... Уж лучше бы и не смотрел. Это был авторский ответ одной молодой поэтессы на его (тоже вайберовский) краткий разбор её стихотворения. И очень эмоциональный...

«Я много кого и много чему успела поучить в жизни, но никогда не делала это так унизительно, как это делаете вы: «Ритм не держите». А-а-а... Со слухом проблемы, понятно... Хоть теперь-то! Ученик несообразительный... и т.д. Такие слова способствуют пониманию?!. Это приятно слушать?! Вы почему позволяете себе так разговаривать со мной? Вы же инженер человеческих душ! Творец прекрасного, элита воспитательного фронта! Где ваша деликатность и культура?! Вы сидите на этом всю жизнь, а я занималась другим, и в своём значительно преуспела. Очень во многом и даже, может быть, больше, чем вы. А вы говорите со мной как с тупой курицей! Да, наверное, есть какие-то огрехи в моих стихах, но я сочиняю легко, мгновенно, за секунды. Это доставляет мне удовольствие. И я не хочу вымучивать

каждую строчку в поисках ударения и ритма. Я пишу не для поэтов, не стремлюсь в ваш Союз писателей. Я пишу для людей, которые ничего не мыслят в ритмах, им важно, есть ли горение в стихе и затронул ли он душу. Я много чему училась в этой жизни и много чего знаю. А вот ваши правила знать не хочу! Для меня это шутка, игра, способ выразить мои эмоции и моё видение вопроса. А как я это говорю, это не так важно, важно — о чём и что от души. Вот не знала, что вы такой злой и едкий. Возможно, я «полезла» в «вашу нишу», но мне не нужны никакие регалии и особое признание. Не думаю, что этому нельзя научиться, я просто не желаю этому учиться и читать статьи на эти темы. Мне это не кажется важным и обязательным».

«Что же это она, всю ночь не спала?» — подумалось Степану Викторовичу. Но, быстро окунувшись в тему, он уже не слышал церковного пения и не видел всего очарования зимнего раннего утра. Сразу же захотелось ответить — и ответить так, чтобы поэтессе «мало не показалось». Особенно задевали словечки: «Я сочиняю легко, мгновенно, за секунды... для меня это шутка, игра, способ выразить свои эмоции...» Хотелось сказать, что это занятие не для слабонервных, что быстро сочинить что-то — это ещё только первый камушек всего здания, которое потом уже будет достраиваться бессонными ночами... и перестраиваться, если надо. Хотелось сказать, что настоящие поэты от этого сгорают заживо, что это тяжёлый труд и что... Но, поглядев вокруг на заснеженный тихий лес, в котором опять почувствовался гулкий отзвук храма, он написал совсем другое...

«Я вовсе не злой, милая Алина Сергеевна... Неужели за этими необдуманно строчками (торопился ведь) Вы не хотите разглядеть заботу о небезразличном мне поэте

и человеке? А искренность, нежность и любовь... Равнодушный человек Вам так бы не написал. Да вообще никак бы не написал. И разговаривал я вовсе не «с курицей», а с горячей, задорной, понимающей дружеский юмор обворожительной девушкой... Именно с девушкой, так как ваше стихотворение — это душа. А душа ваша — юная и прекрасная... Думаете, людские души не могут быть старыми? Могут! Лермонтову было чуть за двадцать, а он уже писал как старик. Вы знаете... я очень и очень надеюсь, что наша дружба не погибнет от козней нашего общего врага! Он весьма на это рассчитывал — на нашу гордыню и высокомерие. Но я очень надеюсь, что всё образуется и войдёт в своё русло. Мы же живые люди, не роботы и (слава Богу!) не покойники, которые уже не делают ошибок! А всё написанное выше Вами — чистая правда! Позволю себе только добавить, что вся эта невоспитанность и горячность родилась во мне только от одного чувства — чувства сопереживания, нежности и любви. А когда эти чувства бьют через край, можно много наговорить лишнего. И во вред себе. Зачем мне было обижать и унижать Вас? Разве я изверг? Да и какой в этом смысл? Мне будет очень горько, если так у нас всё и закончится... Поверьте, это будет не наша, а нашего врага победа. В своих грехах перед Вами я уже покаялся... Проникнуться же и простить... на такие подвиги не могу даже и рассчитывать. Не смею больше Вас тревожить и надоедать. Всего вам самого лучшего и высокого! А главное — оставаться собой...»

Он включил мотор и поехал дальше. Солнце уже поджигало верхушки могучего строевого леса. А в груди разливались спокойствие и чистота. И плавно кружились мысли, что такая искренняя и горячая душа двадцатипятилетней Алины Сергеевны просто не сможет долго носить в себе эту обиду. Он вспомнил её, эмоциональную и порывистую,

на встрече в местной писательской организации, куда она пришла первый раз, чтобы показать свои стихи. Чего же скрывать, она ему тогда очень понравилась своей прямоотой суждений. Да и фигурка впечатляла. Не хотелось её как-то сразу отпускать. Тогда-то он и попросил её написать краткую автобиографию. Возраст — четверть века, а испытала в этой жизни немало, но не сломалась, а как бы ещё крепче стала, закалилась. Думал своей резкостью ей даже понравиться... и вот на тебе — получай! Однако и эта отповедь где-то в глубине души ему доставляла наслаждение. И он подумал, что такие чистые души не могут долго носить в себе подобные инородные чувства, что ей захочется от этого быстрее освободиться как от лишнего и тяжёлого груза. Ведь долго держать в себе обиду... Это же так не по-нашему... не по-русски...